

ЗА РОДИНУ

№ 7 (407)

Среда, 12 января 1944 г.

Цена 50 коп.

Русская ежедневная газета. Главный редактор Анатолий Стенрос. Редакция в Пскове и Риге. Адрес: Рига, улица Рихарда Вагнера 57. Из освобожденных областей следует писать в газету через Центральную русскую почту: Feldpost Nr. 39609 Ru (Z. R. P.) «За Родину». Деньги за подписку — 16 руб. в месяц (с доставкой по почте) и деньги за объявление (плата за стандартное объявление 30 руб.) переводить почтовым денежным переводом по адресу: Postcheckamt Riga, Konto 337 («Sa Rodinu»)

Зрители

Иван Алексеев

Во всех дореволюционных учебных хрестоматиях всегда помещался поучительный рассказ о том, как трудолюбивый вол пахал пашню, а ленивая муха, сидевшая у него на рогах и только наблюдавшая за его работой, потом торжественно уверяла всех в том, что пашню вспахали они оба, вол и муха. Муха присваивала себе труд вола, утверждая: «Мы пахали».

Есть целые группы людей (они существовали во все времена), которые предпочитают быть зрителями и не желают быть деятелями. Во-первых, зрителю быть легче, потому что от зрительского требуется только восприятие; во-вторых, зрителем быть безопаснее, так как, во всяком случае, зритель всегда подвергается меньшей опасности, чем деятель; в-третьих, зрителем быть выгоднее: в зависимости от развития исторического действия и его финала, можно примкнуть к вышедшей победительницей стороне.

Это не мешает им при любом финале исторического действия, примкнув к победившей им выигравшей стороне, кричать больше всех: «Мы пахали».

Такого рода зрители исторических событий сами себя называют «нейтральными» и усиленно подчеркивают эту свою нейтральность, извлекая из этого выгоды для себя, а до других — им нет дела, равно как мало интереса для них представляет идея разрывавшегося действия и мораль ее финала. Им бы только сохранить свою шкуру, извлечь личную выгоду, поаплодировать победителю и затем громче всех кричать: «Мы!»

Это — беспринципные, безидейные люди, живущие и извлекающие личные выгоды за счет других, не делающие истории, но нередко, стремящиеся попасть в историю.

Такие мухи — зрители особенно опасны, особенно вредны.

В наши дни, среди миллионов деятелей, приносящих свои жизни на алтарь идеи — создания свободной национальной России, — встречаются люди, которые усиленно подчеркивают свой нейтралитет, которые заявляют о том, что «их дело — маленькое», что «их хата — с краю», которые являются лишь зрителями происходящих трагических событий. В конечном итоге, когда станет совершенно ясно, куда, в какую сторону отклонится чашка весов, — они больше всех и громче всех будут кричать: «Мы, мы, мы!»

Между тем, положение и разыгрывающаяся на глазах у всех трагедия совершенно ясна: или большевизм, который страшной волной захлестнет всех и вся, уничтожив всякий призрак национальной свободы, или полная свобода и содружество наций и построение свободной национальной России как члена в общей европейской семье народов. Третьего решения в развивающемся на наших глазах мировом конфликте для нас быть не может. Миллионы людей, не задавленные большевизмом, могущие свободно мыслить, определенно встали на сторону свободной и национальной идеи в качестве ее носителей деятелей, жертвуя для этого жизнью, рискуя всем дорогим и близким ради торжества Родины, во имя свободы народа, за лучшую свободную долю. Но среди деятелей попадаются зрители, называющие себя «нейтральными», которые в эти дни и часы, когда решается судьба народов, Родины, судьба всего мира, отсиживают за спинами честных патриотов, наблюдая, в какую сторону склонится чашка весов с тем, чтобы извлечь личную выгоду и заслужить милость победителя: воспользоваться плодами победы свободы и национальной идеи или вновь надеть на себя ярмо бесправия, нищеты и ужаса; но с одинаковым успехом, и в том и в другом случае они будут кричать: «Мы, мы, мы!»

Такие люди опасны и вредны в наши дни, они ставят под сомнение торжество нашей идеи, своим «нейтралитетом» они пытаются разложить ряды борцов за эту идею, они — сеятель слухов, паники, они — шептуны и мелочные торговцы своей совестью, они — паразиты нашего времени,

БОИ В КИРОВОГРАДЕ

Крупный урон советских войск

Главная Ставка Фюрера, 9 января. Верховное Командование германских вооруженных сил сообщает:

В районе Кировограда тяжелая борьба продолжается с прежней ожесточенностью. В западной части города ведутся упорные бои. Германские войска решительными контратаками в разных местах отбросили советские войска назад, несмотря на их упорное сопротивление. При этом уничтожено много неприятельских танков.

Южнее Киева, южнее и западнее Погребища и в районе Бердичева германские войска отбили многочисленные неприятельские атаки. Соединения войск СС контр-ударом отбросили советскую бригаду на ее исходные позиции, уничтожив при этом 27 советских танков и пять штурмовых орудий.

Германская авиация с большим успехом участвовала в наземных боях, нанося большевикам чувствительные потери в людях и материале.

Западнее Речицы крупные силы противника, после яростной артиллерийской подготовки, широким фронтом перешли в наступление. Германские позиции повсюду удержаны. Несколько вклинений прегражено.

У Витебска центр тяжести большевических попыток прорвать фронт находился вчера юго-восточнее города. Несмотря на то, что противник бросил в бой крупные силы танков и штурмовой авиации, все его атаки в ожесточенных боях отражены. Большевики потеряли здесь 84 танка, из них 57 в рас포ложении одного только немецкого корпуса.

На южно-итальянском фронте нажим противника в районе западнее Милана и Вена ослаб. Отбито несколько местных атак, ведущихся на германские высотные позиции. Противник понес большие потери. На Адриатическом побережье сильная неприятельская атака тоже не имела

успеха. Германский ударный отряд уничтожил здесь неприятельский опорный пункт и взорвал несколько складов боеприпасов.

Отдельные английские самолеты прошлой ночью сбросили бомбы на населенные пункты западной Германии. При этом снова поврежден Аахенский собор.

Воздушная победа японцев над Рабаулом

Токио, 10 января.

Японская императорская ставка сообщает о новых крупных успехах японской гидро-авиации. Когда неприятельские воздушные соединения, состоящие из 230 самолетов, атаковали Рабаул, японцы, потеряв лишь две машины — сбили 31 неприятельскую.

За первую неделю этого года на Рабаул всего налетало 436 самолетов противника, из них японцы сбили 87, а потеряли лишь 12 собственных. Таким образом, уничтожено почти 20 процентов нападавших самолетов.

Взорван пароход

Рим, 11 января.

В Сиракузском порту, в Сицилии, взлетел на воздух английский пароход, груженный боеприпасами, прибывшими в порт несколько дней тому назад. Англо-американская военная полиция начала усиленные розыски виновников, которых, по ее мнению, следует искать в фашистских кругах.

Советские генералы не верят в победу Сталина

Ранее нами сообщалось о бегстве со своего поста в США крупного советского чиновника. Ныне нами получены подробности этой сенсации, шумевшей во всем мире.

Глава советской военной миссии в Вашингтоне, генерал Готовцев тайно оставил советское посольство и бежал в Мексику, рассчитывая найти там защиту в качестве политического эмигранта. Свое бегство он подготовил так ловко, что никто не подозревал о его намерениях, и для всего советского посольства, в помещении которого генерал Готовцев имел свой кабинет, бегство главы военной миссии явилось полной неожиданностью. Советское посольство тотчас обратилось к правительству США с прось-

бой выследить бежавшего генерала и арестовать его, где бы он ни находился. Полиция принялась за лихорадочные поиски; телеграммы и радиogramмы полетели по всему миру, все вокзалы подверглись строжайшему контролю, но, как водится, полиция запоздала. Генералу удалось проскользнуть через границу США и найти себе временное убежище в Мексике. Скандал, вызванный бегством высокого советского сановника, достиг невероятных размеров, а американская печать сумела из него сделать в высшей степени неприятную для большевиков сенсацию.

Генерал Готовцев, согласно его откровенному заявлению в Мексике, яв-

У южных берегов Франции. Немецкая подводная лодка отправляется в очередное плавание. Командир лодки — герой Железного Креста рыцарского степени капитан Ахиллес.

Боевая доблесть японцев

Стокгольм, 10 января.

Секретарь американского военного министра Паттерсон заявил, что с начала японо-американской войны, аме-

риканские войска захватили в плен всего лишь 377 японцев. «Японцы, — сказал он, — сражаются с необычайным фанатизмом, чем и объясняется ничтожное количество пленных.» Паттерсон опубликовал это число, чтобы показать, как трудно сражаться с японцами. Американцам приходится вести тяжелую кровопролитную борьбу за каждый клочок земли. Лучшим примером служит остров Тарава, где трем тысячам японцев противостояла десятикратная американская армия. Японцы сражались там до последнего человека и ни один из них не сдался в плен. Вашингтон официально сообщил, что занятие этого острова потребовало от Америки больше жертв, чем любое сражение за все время существования США.

Американский морской министр Нокс заявил, что японцы придерживаются на Тихом океане выжидательной стратегии. «Глупо было бы утверждать, сказал он, — будто бы японцы боятся нас. В настоящий момент в их планы попросту не входит выдвигать свои крупные силы.»

Морские потери плутократов

Амстердам, 9 января.

Адмиралтейство США сообщило, что погиб американский эсминец «Лирри», потопленный 24 декабря германской подводной лодкой в Атлантическом океане.

Эсминец имел водоизмещение в 1090 тонн и скорость 35 узлов. Вооружение его состояло из четырех орудий, калибром в 10,2 см., одной зенитки и 12 торпедных аппаратов, а экипаж — из 122 человека. Одновременно английское адмиралтейство сообщило о гибели тральщика «Кингстон Берль».

Рост забастовок в Америке

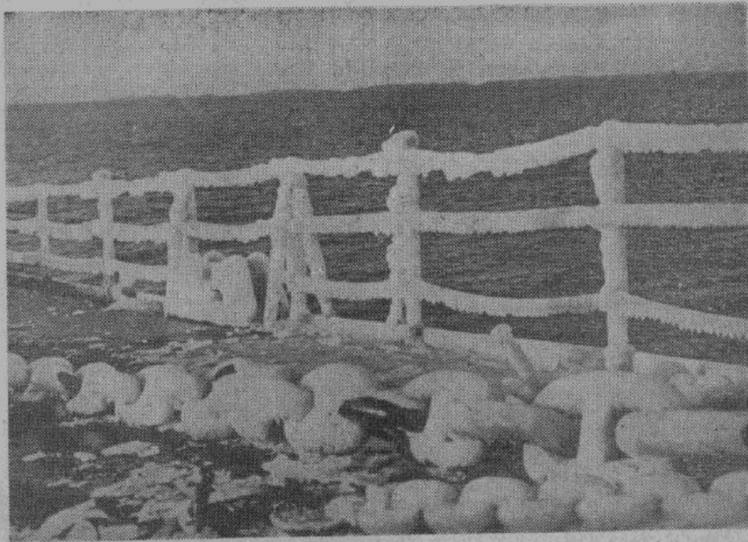
Стокгольм, 9 января.

Американское министерство труда сообщает, что в США за одиннадцать первых месяцев прошлого года отмечено 3.425 забастовок. Четыре крупных угольных забастовки, в которых участвовало свыше полумиллиона рабочих, привели к потере 12.700.000 рабочих дней, против 4.100.000 в предыдущем году.

Перемены во французском кабинете

Париж, 9 января.

Во французском правительственном вестнике опубликованы следующие новые назначения: прежний государственный секретарь по делам информации Поль Марион назначен государственным секретарем при главе правительства. Известный публицист и радиореферент Филипп Э. до назначения государственным секретарем по делам информации и пропаганды.

На немецком военном судне после зимнего шторма. Вся палуба, релинг и якорная цепь покрыты толстым слоем льда.

скрывающиеся под маской нейтралитета.

Сейчас, когда решаются судьбы народов и мира, сейчас, когда ясно перед всеми нами поставлена задача — победить и обрести независимую национальную Россию, — зрителям и «нейтральным» нет места. Это не рядовое театральное представление, это величайшая в истории мировая трагедия, в которой участвуют все люди, все народы и во время действия которой никто не имеет права отсиживать в благодушном нейтралитете и в

итоге пожинать плоды чужой победы. Каждый на своем посту, каждый при своей работе должен ясно определить для себя и для всех свое положение и место в развивающейся борьбе и честно заявить о своей позиции. Нейтральным и зрителям сегодня нет места и их позиции нет оправдания. Судьбы мира и судьбы народов решают сами народы. Мухи-зрители не имеют права рассчитывать на благополучие будущего, добытое кровью и страданием честных патриотов.

Активность итальянских патриотов

Рим, 10 января.

В Сицилии ширится движение националистов, все смелее выступающих против англо-американских оккупационных войск и нарушающих их снабжение. Особую известность уже получила группа патриотов, именуемая «суньистами». Ею руководят бывшие офицеры итальянской армии, возвратившиеся из Африки.

Теперь поступили сообщения, что группа «суньистов» в сочельник, недалеко от Палермо, атаковала крупный американский транспорт, причем вступила в яростный бой с американской охраной, потерявшей при этом свыше семидесяти человек убитыми.

Англо-американские оккупационные власти раскрыли в Сардинии заговор местного фашистского комитета, подготовлявшего восстание населения против незваных пришельцев. Военная американская полиция арестовала четырнадцать человек.

Бои у Погребища и Кировограда

Успехи германской авиации

Главная Ставка Фюрера, 8 января. Верховное Командование германских вооруженных сил сообщает: По обеим сторонам Кировограда и в самом городе происходят ожесточенные бои с крупными силами неприятеля. Германские танковые соединения севернее города отбросили советские части контр-атакой назад и захватили важный участок гористой территории.

Тяжелые оборонительные бои к югу от Киева и в районе Бердичева продолжают с неослабевающей силой. Советские попытки прорвать фронт, отбиты. Несколько вклинений преграждено. Южнее Погребища германские войска, несмотря на ожесточенное сопротивление неприятеля, отбросили его назад, уничтожив при этом большое количество советских танков.

Северо-западнее Речицы и западнее Пропойска несколько местных советских атак остались безуспешными. Продолжая свои сильные атаки северозападнее Витебска, советские войска понесли здесь особенно высокие потери в

людях и материале. В районах некоторых вклинений еще ведутся ожесточенные бои. Севернее Невеля несколько советских атак подавлено германским оборонительным огнем. Германская авиация участвовала в наземных боях преимущественно в Кировоградском и Бердичевском районах, нанеся противнику тяжелые потери и значительный урон в оружии, снаряжении и транспортных средствах. Прошлой ночью германская авиация разбила семь транспортных поездов и тяжело повредила еще девять военных составов.

На западе южно-итальянского фронта неприятель распространил свои сильные атаки на новые участки. После тяжелых боев северозападе Миньяно потеряны две горные вершины. На остальном фронте день, в общем прошел спокойно.

Соединения англо-американских бомбардировщиков вчера днем напали на населенные пункты западной и южной Германии. Беспорядочно сброшенные бомбы вызвали значительный ущерб, глав-

ным образом, в Людвигстафене и Маннгейме. Прошлой ночью неприятельские самолеты сбросили бомбы также над рейнско-вестфальской промышленной областью.

Неприятель потерял при этом 35 самолетов, преимущественно четырехмоторных бомбардировщиков. На свои базы не вернулось 8 германских истребителей.

Таким образом, потери англо-американской террористической авиации за первую неделю 1944 года составили уже 262 самолета, в том числе 231 четырехмоторный бомбардировщик.

Освободительное движение в Индии

Рангун, 10 января.

Субхас Хандра Бозе прибыл в Бирму, куда теперь переехало временное правительство свободной Индии. По случаю своего приезда Бозе нанес визит главе правительства независимой Бирмы и другим видным лицам. Снова, подчеркнув свое твердое решение уничтожить англо-американское господство в Индии, Бозе заявил, что правительство теперь уже находится в непосредственной близости от самой Индии.

Вместе с переездом правительства, к выступлению также совершенно подготовлена индийская национальная армия.

Согласно многочисленным сведениям, все это вызвало сильное беспокойство в рядах англо-индусской армии. Бирманскую границу ежедневно переходят много дезертиров, ищущих там спасения от английского произвола.

В провинции Ахмедбад возникли крупные беспорядки. Индусы-демонстранты забросали английскую полицию камнями. Полиция пустила в ход слезоточивый газ. Населению запрещено выходить на улицы.

Чума в Палестине

Анкара, 10 января

В крупнейшем еврейском городе Палестины Тель-Авиве началась эпидемия чумы. Источники эпидемии зародились в грязных еврейских кварталах города и мор пока поразил только иудеев.

В стране неуклонно продолжает расти преступность. Английская полиция, совершив облаву на еврейское поселение — Рехевос, обнаружило там двадцать известных преступников, — пришельцев из Варшавы, Львова и Кракова. Четырех удалось задержать, остальные сбежали.

В Иерусалиме на главных улицах почти ежедневно происходят грабежи, не говоря уже о карманных кражах, считающихся повседневым явлением. Евреи даже ухитрились похитить из вербовочного бюро английской армии в Хайфе пишущие машинки, бланки и печати, повидимому, для подделки военных документов.

Во время обыска у одного иудея, — скрывающегося в подвале, был найден целый ряд золотых и серебряных предметов.

Еврейское счастье

Одним из излюбленных приемов советской пропаганды является фабрикация писем «отцу народов» — Сталину. В связи с Новым Годом огромный поток таких писем превратился уже в водопад. Страницы газет пестрят стандартными эпитетами «гениальному», «мудрейшему», «величайшему маршалу» и прочими.

Писем якобы скопилось такое множество, что московская «Правда» от 3 января сочла нужным поместить передовую статью под заголовком «Священные клятвы тружеников тыла».

Между строк статьи не трудно прочесть, что вся эта возня с письмами имеет целью еще больше закабалить рабочих и служащих заводов и фабрик.

Делается это очень просто. Обычно, в кабинете секретаря партийной организации стряпается письмо «великому Сталину» в котором объявляется о новых, повышенных обязательствах, якобы, взятых на себя рабочими того или иного предприятия.

После опубликования в газете такого письма, новые нормы становятся обязательными для всех рабочих.

Эта механика как нельзя лучше подтверждается передовой «Правды».

Но, видимо, не все рабочие так легко поддаются обману. «Правда» не может скрыть того факта, что на Урале, в Кузбассе, в Узбекистане, Сибири и в других местах на производствах есть еще рабочие, не выполняющие норм. «Правда» пишет:

«Надо поднять производительность труда всей трудящейся массы рядовых и средних рабочих...»

«Заводы и шахты должны дать в этом году значительно больше продукции...»

Мы так же хорошо понимаем «Правду», как понимаем ее рабочие и колхозники Советского Союза: любой ценой еще больше работать на войну. И по мере сил своих «Правда» выполняет это сталинское задание. Никакими методами она при этом не гнушается.

В той же передовой газета пишет:

«Уральцы обещают товарищу Сталину в тысячу девятьсот сорок четвертом году повысить производительность труда не менее, чем на двадцать процентов...»

А интересно узнать, спросили ли уральских рабочих о том, и кто уполномочил «Правду» брать от их имени новые обязательства?

Это большевикскую «Правду» не смущает; она знает, что после ее заявления, на всех предприятиях Урала начальники цехов будут требовать от рабочих выполнения новых норм. А это только и нужно советской власти. При этом, конечно, заработная плата рабочих не будет увеличена ни в какой мере. Зато материальное благосостояние штатных евреев «Правды», так рьяно добивающихся наибольшего забабления годовых рабочих СССР, продолжает неуклонно повышаться.

Б. Р.—

Обертка из жалоб

Как живут семьи советских военнослужащих

В одном из бункеров, оставленных советскими бойцами, были обнаружены интересные документы, лишний раз рисующие безотрадную картину жизни советского тыла.

Посылки, присланные красноармейцу из Новосибирской области, были упакованы в бумагу, которая оказалась ничем иным, как документами, принадлежащими, судя по штампу, Топкинскому Райисполкому. Это был большого формата анкеты (их было 29) стандартного образца, предназначенные для семей мобилизованных в армию рабочих. В этих анкетах семьи военнослужащих Красной армии писали свои жалобы на различные притеснения и нужды.

Но и в этих анкетах, в которых семьи солдат, проливающих свою кровь на фронте, просят о помощи, сохранен все тот же советский стиль. Начинаются они рядом вопросов, выясняющих «идеологическое» лицо и «благородность» просителя. Одними из первых стоят следующие вопросы: «Есть ли у жалобчика родственники, репрессированные органами советской власти?» Затем следует не менее коварный вопрос: «Не был ли сам мобилизованный когда-либо под судом?» Далее идут вопросы уже практического порядка: «Поддерживаете ли связь с деревней и какую помощь получаете оттуда?»

Совершенно ясно, что помощь, на которую надеются заполняющие эти анкеты, целиком зависит от их ответов на эти вопросы.

Интересно отметить и самый факт этой, чисто большевической «рационализации», где жалобы нуждающихся семей, кормильцев которых находятся на фронте, облекаются в форму официального ответа на полицейский доклад. Но у большевиков такая «раци-

онализация» считается вполне нормальным и полезным явлением, иначе они не стали бы разрабатывать эти анкеты и отпечатывать их в типографии.

О чем же пишут жалобщики? Прежде всего, все они жалуются на то, что, получая пособие в 100—150 рублей, при существующей дороговизне, семья не может просуществовать нормально и двух дней. Но и эти жалкие гроши часто задерживаются. На втором месте стоят жалобы на то, что никто не заботится о снабжении топливом семей мобилизованных и никто не интересуется их жилищными условиями.

Приводим несколько выдержек из этих анкет. Четыре жалобы посвящены незаконному выселению семей мобилизованных из коммунальных квартир. Одна из этих жалоб особенно любопытна. Некая Марфа Федоровна Толочка пишет:

«Меня выселили с двумя детьми и старухой матерью потому, что моя комната понадобилась родственникам Гельфанда. Ко мне придрались из-за невзноса квартирной платы, а как я могла заплатить ее, когда я два месяца была больна и получала половинную зарплату и три месяца совсем не получала пособия?»

Кто такой Гельфанд, в жалобе ничего не сказано, но, видимо, это какой-то начальник, а судя по фамилии, — еврей.

Жалоба Егора Матвеевича Половинкина еще более выразительна. Он пишет:

«Я вернулся с фронта домой инвалидом. Вот уже одиннадцать месяцев я добиваюсь получения протеза, но ничего не могу добиться. А без протеза я работать не могу. Жить же на пособие невозможно. Поэтому мне и

приходится заниматься нищенством. Прошу помочь мне получить протез правой ноги и тогда мне не надо никакого пособия.»

Любовь Ивановна Снежинкина просит помочь ей одеть детей, чтобы они могли ходить в школу.

«С тех пор, как у меня забрали мужа, — пишет она, — я ни откуда никакой помощи не получаю. У меня на руках двое детей от первого мужа, на них пособия не дают, кроме того, один ребенок, родившийся недавно — на него тоже ничего не дают. Старшие две девочки сидят дома, потому что им не в чем выйти на улицу. Я работаю уборщицей в железнодорожных мастерских, — заработок мой, сами знаете какой. Прошу помочь мне хотя бы одеждой для детей — больше мне ничего не надо.»

Тяжелое впечатление производят жалобы матерей на невозможность уделять внимание на воспитание детей, которые поэтому растут в полном смысле слова беспризорными.

Например, Ольга Ременникова пишет:

«Меня милиция оштрафовала на 10 рублей за то, что мой сын Петр беспризорничает на улице. Но что я могу сделать, если с утра до ночи нахожусь на работе, а живу в общем бараке. Прошу определить моего сына в детский дом до возвращения его отца с фронта...»

Таков в основном общий тон жалоб семей тех, кто своей кровью защищает большевизм.

А как относится большевизм к этим жалобам, видно из того, как они исполняются в качестве оберточной бумаги. Стоит ли после этого вообще жаловаться?

Этому лагерному населению даже каша перепадает редко. Кормили хлебом, прокишей капустой и протухшей рыбой. Норма хлебного снабжения была на 15 процентов ниже ББК'овской. Дохлая рыба время от времени вызвала массовые желудочные заболевания (как их предусмотреть по плану?), продукция лагеря падала почти до нуля, начальник отделения получал жестокий разнос из Лодейного поля, но никогда не посмел ответить на этот разнос аргументом, как будто неотразимым — этой самой дохлой рыбой. Но дохлую рыбу сладо то же самое начальство, которое сейчас устраивало разнос. Куда пойдешь, кому скажешь?

Отделение сладо в Лодейное поле огромные ежедневные простыни производственных сводок. В одной из таких сводок стояла графа: «выходы на работу по разности и разности». В конце февраля — начале марта стучали морозы, и цифра этой графы стала катастрофически повышаться. Одежда и обувь не хватало. Стали расти цифры заболевших и замерзших, в угрожающем количестве появились «саморубы» — люди, которые отбавили себе пальцы на руках, разрубали топорами ступни ног — лишь бы не идти на работу в лес, где многих ждала верная гибель.

Повидимому, точно так же обетояло дело и в других лагерях, ибо мы получили из ГУЛАГа приказ об инвентаризации. Нужно было составить списки всего имеющегося на лагерниках обмундирования, в том числе и их собственного, и перераспределить его так, чтобы по мере возможности одеть и обуять работающие в лесу бригады.

Но в Свирьлаг все было по-другому. Решено было некоторые категории лагерников — «слабосильку», «промотчиков», «урук» — раздеть почти до гола. Даже обслуживающего персонала решено было снять са-

поги и валенки... Для урук в каком-то более или менее отдаленном будущем проектировалась особая форма: балахоны, сшитые из ярких и разноцветных кусков всякого тряпья, чтобы уж никак и никому заглянуть нельзя было...

РАЗБОЙ СРЕДИ ГОЛЫХ

Вся эта работа была возложена на лагерную администрацию всех ступеней. Мы, «техническая интеллигенция», были «мобилизованы» на это дело как-то непонятно и очень уж «беспланово». Мне ткнули в руки мандат на руководящего инвентаризацией обмундирования на 19-м квартале, никаких мало-мальски толковых инструкций я добыть не мог — и вот я с этим мандатом только за 12 верст от Подпорожья.

Я иду без конной. Мороз — крепкий, но на мне — свой свитер, своя кожанка казенный еще ББК'овский, бушлат, полученный вполне официально, и на ногах добротные ББК'овские валенки, полученные слегка по блату. Приятно идти по морозцу, почти на свободе, чувствуя, что хотя часть прежних тин, но все-таки вернулась... Мы съели уже две посылки с волы. Две были раскрадены на почте и одна — из палатки; было очень обидно...

Перед входом в лагерь — покосившаяся будка, перед ней — костер, и у костра — двое вохровцев. Они тщательно проверяют мои документы. Лагерь крепко оплетен колючей проволокой и оцеплен вооруженной охраной. Посты ВОХР'а стоят и внутри лагеря. Всякое движение прекращено, и все население лагунка заперто по своим баракам. Для того, чтобы не терять драгоценного рабочего времени, для инвентаризации был выбран день отдыха — все эти дни лагерникам для «отдыха» предопределяется: то «ударник», то инвентаризация, то что-нибудь в этом роде...

дется. Там, где дело касается мероприятий развлекательного и оградительного характера, «актив» действует молниеносно и без промаха. Только на это он, собственно, и тренирован. Только на это он и способен.

Я думал, что на пространных «одной шестой части земного шара» ограблено уже все, что только можно ограбить. Оказалось, что я ошибался. В этот день мне предстояло присутствовать при ограблении такой голи и такой нищеты, что дальше этого грабят, действительно, физически уже нечего. Разве что — сдирать с людей кожу для экспорта ее за границу...

ВШИВЫЙ АД

В бараке — жара и духота. Обе стандартные печурки раскалены почти до бела. По бару мучат как угорелые, оперативники, вохровцы, лагерники и всякое начальство местного масштаба. Восточный начальственно-командный крик, подзатыльники, гнетущий лагерный мат. До жути обворованные люди, истощенные землестолюбивые лица...

В одном конце барака — стол для «комиссии». «Комиссия» — это, я — и больше никого. К другому концу барака сгоняют всю толпу лагерников — кого с вещами, кого без вещей. Сгоняют с ненужной грубостью, с ударами, с расшвыриванием по бару жалкого борохла лагерников... Да, это вам не Якименко, с его патрицианским профилем, с его маникюром и с его «будьте добры»... Или, может быть, это — просто другое лицо Якименки?

Хаос и кабак. Распоряжается одновременно человек восемь — и каждый по своему. Поэтому никто не знает, что от него требуется и о чем, в сущности, идет речь. Наконец, все три сотни лагерников согнаны в один конец барака и начинается «инвентаризация»...

Перед мной — списки заключенных, с отметками о количестве отработанных дней, и куча «материальных книжек». Это — маленькие книжки из желтой нодрезаватой бумаги, куда записывается, обычно карандашом, все получаемое лагерником «вещное довольствие».

Тетрадки порастрепаны, бумага разлеза, записи — местами стерты. В большинстве случаев их и вовсе нельзя разобрать — а ведь дело идет о таких «материальных книжках». За утрату которых лагерник обязан оплатить их стоимость в десятикратном размере. Конечно, заплатить этого он вообще не может, но зато его лишают и той жалкой «дрезаватки» «материального обеспечения».

которая время от времени дает ему возможность побаловаться пайковой махоркой или сахаром...

Между записями этих книжек и наличием на лагернике занесенного на него «вещного довольствия» нет никакого соответствия — хотя бы даже приблизительного. Вот стоит передо мной почти ничего не понимающий по русски и, видимо, помирающий от чумы дагестанский горец. На нем нет отмеченного по книжке бушлата. Пойдите, разберите — его ли подпись поставлена в книжке в виде косого крестика в графе: «получил ли заключенный»? Получил ли он этот

«Инвентаризация».

бушлат в реальности или сей последний был пропит соответствующим калером в компании соответствующего начальства, с помощью какого-нибудь бывшего урки славлен куда-нибудь на олонекский базар и приписки делого не подотрещают ли?

Средняя часть советской шивы была оплохоту — в бездонные начальственные глотки за счет никогда не выданных бушлатов, сапог, шаровар, приспанных мертвецам, беглецам, этанникам на какой-нибудь БАМ, неграмотным или полуграмотным му-

Со всего света

Гельсингфорс. — Никакая температура в Европе в этом году отмечена в Финляндии, где в ста километрах от северной оконечности страны зарегистрирован мороз в 37 градусов.

Марсель. — В оккупированной англо-американцами Корсике обострился голод. Когда, наконец, оккупационные власти прислали тридцать мешков муки, то оказалось, что двадцать шесть наполнены землей, грязным тряпьем и другими отбросами.

София. — Болгарская столица отметила торжественным б годовщиением, в присутствии членов кабинета, шестьдесят шестую годовщину своего освобождения от турецкого ига.

Женева. — В Филадельфии забастовало 8500 рабочих судостроительных верфей. Причина забастовки — разногласия с администрацией.

жикам, не знаящим русского языка намекам. И вот, где-нибудь в Чите, на Вишере, на Ухте будут забирать от этого Халил Оглы его последние гроши.

И попробуйте доказать, что инвентаризируемые ему сапоги никогда и не болтались на его ценных ногах. Попробуйте доказать это здесь, на двенадцатом квартале. И платит Халил Оглы свои трешники... Впрочем, с данного Халила особенно много трешник взять уже не успеют...

Сам процесс «инвентаризации» проходит так: из толпы лагерников вызывают по списку одного. Он подходит к месту своего постоянного жительства на нарах, забирает свой скарб и становится шагах в пяти от стола. К месту жительства на нарах ищейками бросаются двое оперативников и устраивают там произвольный обыск. Лезут над нарами и под нарами, вытаскивают мятую бумагу и тряпье, затыкающее многочисленные барачные дыры из барака во двор, выколупывают глину, которую замазаны бесчисленные клопные гнезда.

Двое других нагибаются на лагерника, общипывают его, вывертывают наизнанку все его тряпье, вывернули бы наизнанку и его самого, если бы к тому была хоть малейшая техническая возможность. Ничего этого не нужно — ни по инструкции, ни по существу, но привычка — вторая натура...

Я на своем веку видал много грязи, голода, нищеты и всяческой рвани. Я видал одесский и николаевский голод, видал таборы раскулаченных кулаков в Средней Азии, видал рабочие общепития на торфозаготовках — но такого я еще не видал никогда.

В бараке было так жарко именно потому, что половина людей были почти голы. Между оперативниками и «инвентаризируемыми» возникали, например, такие споры: считать ли две рубашки за две или только за одну в том случае, если они были поношены так, что целые места верхней прикрывали дыры нижней, а целые места нижней более или менее маскировали дыры верхней. Каждая из них, взятая в отдельности, конечно, уже не была рубашкой — даже по масштабам советского концлагеря, но две они, взятые вместе, давали человеку возможность не ходить совсем уж в голый вель. Иные на лагернике выстроили две пары штанов — но у одной нет левой штанины, а у второй отсутствует весь зад. Обе пары, впрочем, одинаково усыпаны вшами...

(Продолжение следует)

Т. ЛЮТОВ

Сударьб

Истоки кавказской мемуарной литературы

Сто лет назад русский солдат, Беляев, в сражении с чеченцами попал в плен. Несколько лет спустя в Петербурге вышла его книжечка: «Сударьб». Книжечка эта, давно ставшая библиографической редкостью, очень занимательна. Ею начинается обширная русская мемуарная литература, посвященная Кавказу.

Мы не имеем к сожалению никаких сведений о Беляеве и можем судить о нем только на основании его книжки. Он, повидимому, не принадлежал к образованному обществу.

В его книжке нет ни одной цитаты, ни одного литературного имени; повидимому, он не знал иностранных языков. Изложение его скупое, реалистическое и подкупающе жизненное.

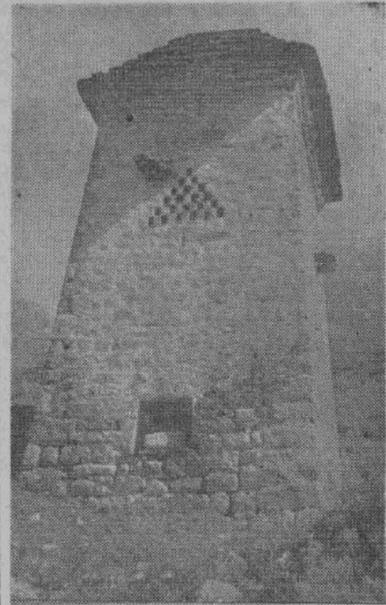
Правда, того благородства тона и уважения к горцам, которое так сочеталось с позднейшими русскими воспоминаниями о Кавказе, еще нет. Беляев полон предрассудков: чеченцев он воспринимает как грубых дикарей и бунтовщиков, осмелившихся восстать против Государя Императора. Но таковы свойства его реалистического изложения, что из-под шелухи его личных настроений отчетливо выступает сочное ядро жизненной правды.

Захватив в плен Беляева, чеченцы, которые всякого русского считали врагом, обратились к нему с просьбой осмотреть их раненого земляка и, если можно, помочь ему. У чеченца оказалась штыковая рана в живот. Беляев грубо объявил чеченцам, что от русского штыка не выздоравливают.

Памятник на чеченском кладбище

Беляев с раздражением отмечает, что когда пришло время накормить его, чеченцы бросили ему кусок хлеба, «как собаке». Но через несколько строк выясняется, что чеченцы вовсе не хотели оскорбить его. Описы-

Башня-усыпальница над могилой знатного горца

вается их обед: они сели в кружок, и один из них делил «кискиль» (хлеб) и ломти его бросал сидящим под ноги.

Очевидно, с Беляевым обошлись по обычаю.

В чеченском ауле, куда привели Беляева, на другой же день наблюдал он чеченские похороны. Хоронили того самого раненого штыком в живот чеченца, помощ которого просили Беляева. Женщины совершали над ним обрядовые причитания. Особенно убивалась и горько плакала его сестра. Беляеву стало жаль ее, и он подошел к ней, чтобы утешить. «Но она дико и страшно закричала», и он, «с отращением ушел в саклю». Отращение, конечно, неосновательное, а поведение женщины, пораженной вмешательством чужеземца в важный обряд, совершенно естественно. Через час та же чеченка пришла в саклю и очень ласково разговаривала с Беляевым.

Беляев раздражен и несправедлив. Однажды он был свидетелем такой сцены. Молодой горец встретился с девушкой и после радостного при-

ветствия протянул ей ветвь, усыпанную спелыми сливами. Она поблагодарила его и съела сливы, что он наблюдал с живейшим удовольствием. По поводу этой прелестной горской пасторали, у Беляева находится только грубое замечание: «Она, как телушка, объела сливы и пустую же ветвь отбросила в сторону».

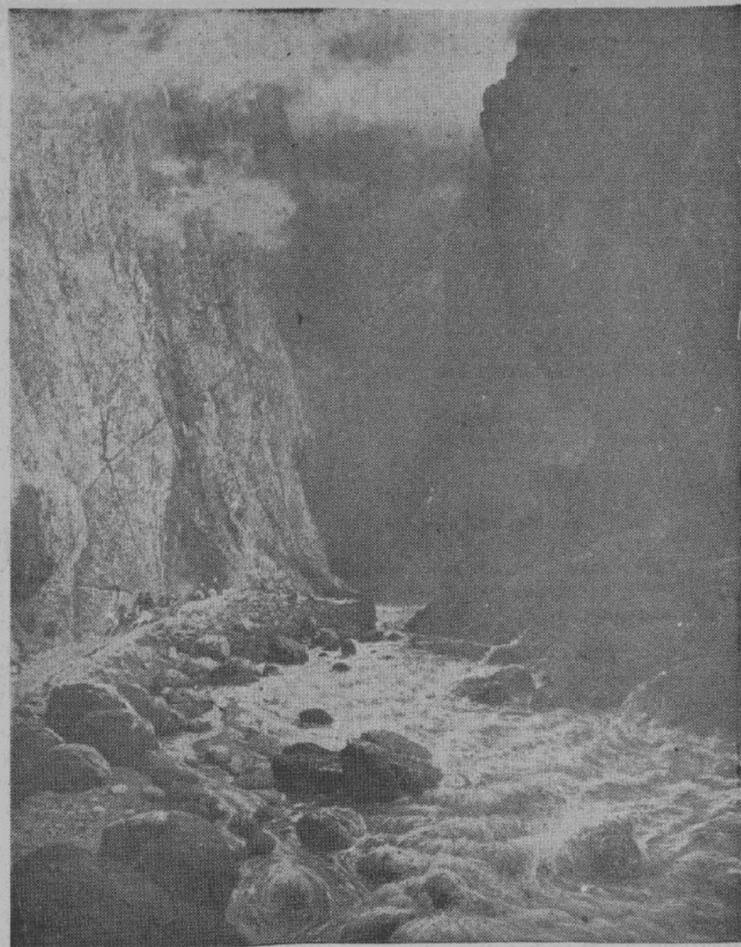
Беляев достался чеченцу Азамату. По чеченским понятиям он был раб. Но своеобразное это было рабство. В Чечне оно было экономически бессмысленно. В таком хозяйстве Агамата нечего было делать ему и его жене Цацу, и раб оказался бременем. Беляев жалуется, что его водили в отряпах и держали впроголодь. Но из его же слов видно, что и хозяева его ходили в лохмотьях и вечно были голодны. Азамат старался продать своего раба, ходил с ним по соседним аулам, но ничего не выходило и Азамат возвращался домой со своим несчастным приобретением.

Раньше Азамат жил и бедствовал в другом ауле. Там он украл у соседа лошадь, был уличен и с позором изгнан из аула. Ценою великих лишений Азамат приобрел барана и отправился в родной аул мириться. Баран должен был послужить искупительной жертвой и быть съеден на примирительном пиршестве. Но предложения Азамата не были приняты. Пришлось барана зарезать; тушу он повесил в дымовую трубу, чтобы она прокоптилась. Это были зимние запасы Азамата, подспорье к кукурузной муке.

Зимой, когда Азамат отлучился на войну, голодная и продрогшая на своем ложе Цацу, вставала иногда по ночам, зажигала печь, и отрезывала кусочек баранины, и начинала его обжаривать. «Запах баранины вызывал мучительные судороги в кишках», вспоминает Беляев, «и я выползал из своего угла и присусеживался к Цацу под тем предлогом, что мне хочется погреться». И Цацу делилась с ним своей миниатюрной порцией. Так сидели, скорчившись перед огнем, кутаясь в лохмотья и братски делясь скудным ужином два несчастные существа: раб и его госпожа.

Азамат был ласков со своим рабом, уважал его «за ученость», один раз даже поцеловал ему руку. Сварливый Беляев принял это за лицемерие: но какой же расчет был Азамату лицемерить?

Много в рассказах Беляева ярких жизненных, насыщенных черточек. Их

Дарьяльское ущелье. Картина художника Судковского

не выдумашь и они драгоценны. И вопреки его жестокому предубеждению, даже благодаря ему, правда его опыта оказывается особенно убедительной.

Позднейшая кавказская мемуарная литература пошла по этому пути свободы от всякой реторики, по пути жизненной правды. Но она преодолела брюзгливую ограниченность Беляева. Она удивительно по благородству тона, по уважению к храбрым горным племенам Кавказа, по про-

никновению в их жизни, иногда очень сердечному и тонкому.

Воспоминание Зиссермана, барона Торнау, князя Дондукова - Корсакова, Полторацкого — поистине перлы.

Полторацкий даже удостоился великой чести: Толстой вставил две его страницы в «Хаджи - Мурата», почти не изменив их.

Кавказской мемуарной литературой мы можем по справедливости гордиться.

Т. Лютов.

Кер-Оглы

Кавказский народный эпос

Кер - Оглы — героический эпос Азербайджанского народа. Этот великий эпос сложился в период самой жестокой борьбы азербайджанцев с завоевателями — султанами и шахами. Сюжет эпоса можно отнести приблизительно к 16—17 веку, когда Кавказ больше всего страдал от набегов завоевателей.

Герой эпоса — Рокшан, сын ханского коноха. За то, что его отец не мог угодить своему господину, тот лишил его зрения, выколол оба глаза. Таким образом, сын стал известен среди народа под именем «Кер-Оглы» (сын слепого). Кер-Оглы уходит в горы и начинает борьбу с притеснителями и завоевателями.

Любовь к родине, к своему народу, уходит корнями в далекое прошлое Азербай-

джанского народа. В Закавказье сохранились башни, ущелья, крепости и аулы, связанные с именем Кер-Оглы.

«Кер - Оглы» носит на себе следы влияния замечательного памятника азербайджанской литературы «Китаб-Дэдэ-Коркут» (XI век). Герой «Дэдэ - Коркут», как и герой «Кер - Оглы» — отважные доблестные воины, витязи и одновременно простые, великодушные люди.

Сподвижники, союзники, единомышленники Кер - Оглы — весь народ — гостеприимный, свободолюбивый, смелый, преданный своим друзьям и слову кавказский народ.

В эпосе обращает на себя внимание простота и свежесть чувства, чистота образов и языка.

Безумцев я водил на бой,
Гордился мощью боевой;
Попрещему ль могуч их строй,
Попрещему ль борьба — их цель?

Я, Кер-Оглы, от лжи далек.
Токаг разгрому я обрек.
Эйваз, игиты, близок срок!
Верьнусь в родную колыбель!

Куда летите, журавли?
Цветет ли родина досель?
Ответ скажите, журавли:
Цветет ли родина досель?

На фоне суровых гор, тяжелой борьбы сияет красота Кавказа, природы и сердца человеческого. Кер-Оглы в бою суров, и нежен в своих песнях и думах.

Как локон выющийся красив,
Тот не поймет, кто сам урод!
И в поле серый воробей
Красы тюльпана не поймет.

Кто в плуг вола не запрягал,
На скатерть кто свой хлеб не клал.
Кто лад медведя не знавал,
Тот не поймет, как сладок мед.

Конь — его лучший друг. Он стоит больше восьмидесяти тысяч косков коней, он стоит больше всей дани с восьмидесяти тысяч областей!

Коня с вершины на вершину,
Летя, как ветер, гнал ли ты?
И с малочисленной дружиной
Орду врагов сметал ли ты?

Народный эпос, возносящий лучшие чувства человеческие, — правду, свободу, борьбу, мужественность и нескончаемую любовь к своему народу, к своей величественной прекрасной родине венчается верой в то, что придет время и над злом восторжествует добро, над неволей — свобода, и народ, великий, мужественный и свободолюбивый, действительно, добьется положения, которого он, по своим нравственным и физическим свойствам, достоин и которое заслужил своей вековой героической борьбой.

И. Дубов.

Веселый уголок

СЛАВА ПРОХОДЯЩА, ГЛУПОСТЬ ВЕЧНА

Однажды восточного мудреца Насредина спросили, что такое мудрость?

Он ответил, что скажет, если ему, в свою очередь, объяснят, что такое глупость?

— Но глупость ведь необъяснима, — сказали вопрошающие, — она стихийна и бесгранична.

— Да, но ведь мудрость, которая противополжна глупости тоже нельзя считать ограниченной... Великого Сократа почти забыли, его мудрость известна только немногим, тогда как все знают и помнят его жену Ксантиппу, которая стала бессмертна именно по своей глупости, вылив на голову великого мыслителя помой.

НАХОДЧИВЫЙ ИНДЕЕЦ

На одном празднестве среди приглашенных находилось и несколько индийских вождей. Во время торжественного ужина краснокожие держали себя с большим до-

стоинством и ничем не обнаруживали, что попали в непривычную для них обстановку.

И вот один молодой индийский вождь заметил, что белые люди положили себе на тарелки какую-то неизвестную ему еду. Это была горчица. Видя, что белые берут ее небольшими порциями, индеец сделал вывод, что это чрезвычайно редкое и дорогое кушанье. Он с интересом пододвинул к себе горчицу, взял изрядную порцию и все отправил ее в рот.

Несмотря на то, что он сразу же почувствовал страшный ожог, он проглотил горчицу с невозмутимым видом. Но не как то глупо было удерживать слезы, которые одна за другой катились по его красным щекам. Сидевший вблизи него и наблюдавший за ним старый индеец из другого племени спросил, о чем он плачет.

— Я плачу, — сказал молодой воин, — потому что вспомнил, как год тому назад

мой бедный отец утонул в волнах Гуронского озера.

Старый вождь, ничего не ответив, взял также порционную порцию горчицы и незамедлительно отправил ее себе в рот.

— О чем же ты плачешь? — в свою очередь спросил его молодой индеец.

— Я плачу о том, что год назад ты не утонул вместе со своим отцом в волнах Гуронского озера.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ.

Кавказ

Хотя я судьбой, на заре моих дней,
О, южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз...
Как сладкую песню огняны моей,
Люблю я Кавказ.

В младенческих letech я мать потерял.
Но миновало, что в розовый вечера час
Та степь повторала мне памятный глас.
За это люблю вершины тех скал,
Люблю я Кавказ.

Я счастлив был с вами, ущелья гор,
Пять лет пронеслось: все тоскую по вас.
Там видел я пару божественных глаз,
И сердце лепечет, вспомята тот взор:
Люблю я Кавказ.

Кавказ! далекая страна!
Жилище вольности простой,
И ты несчастьями полна
И окровавлена войной!

Ужель пещеры и скалы
Под дикой пеленою мглы
Услышат также крик страстей,
Звон славы, злата и щелей?

Нет! прошлых лет не ожидай,
Черкес, в отечество свое;
Свободе прежде милый край
Приметна гибнет для нее.

Вальбрух со стороны Тевского ледника